

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА Ю.А. ИЗРАЭЛЯ. 90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ¹.

ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ.



О первой встрече с Ю.А. Израэлем.

Впервые я встретился с будущим академиком Ю.А. Израэлем в 1955 году, когда, после окончания физфака МГУ, поступил по распределению в ГКЭ. На майские праздники была организована туристская поездка на байдарках. Высокий, красивый, энергичный Юрий Израэль сразу стал общепризнанным лидером. На заросшем повороте одна из байдарок напоролась на острую корягу и стала быстро заполняться водой. Мгновенно байдарка Израэля оказалась рядом. Он спрыгнул в ледяную воду и протащил до сухого берега аварийную байдарку через узкий проход в затопленных кустарниках и помог вытащить две другие. Уже менее, чем через полчаса были поставлены палатки, на костре кипели ведро с чаем и большая кастрюля с пшенной кашей, заправленной тушенкой. Там же, подвешенные на палках сохли мокрые брюки и сапоги Израэля. А двое ребят уже заканчивали заклеивать прорыв на байдарке. До позднего вечера не смолкали туристские и

¹ Материал представлен в сокращенном виде в авторской редакции.

альпинистские песни. Часто запеваешь с сильным красивым голосом был Юрий, знавший репертуар не только московской бродячей братии, но и среднеазиатские необычные за душу трогаящие мелодии. Вот с кем бы я мечтал быть настоящим другом – думал я тогда.

Первый отдел

В 1987 году прекратили глушить радиопрограммы «Голоса Америки». Тогда же приступила к работе Межведомственная комиссия, возглавляемая Главлитом СССР, которая начала пересмотр изданий с целью передачи их из отделов специального хранения в «открытые» фонды. Публикуются ранее запрещённые произведения: «Дети Арбата» А. Н. Рыбакова, «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана, «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака и др. Я, как и очень многие в нашей стране с восторгом принял Перестройку. Казалось, что теперь по-настоящему сможет развиваться наша наука в сообществе мировой науки развитых стран. Уже летом 1987 года во многих избирательных округах, впервые за всю историю СССР прошли альтернативные выборы в местные Советы.

Перестройка в стране откликнулась и в нашем Институте. В ИПГ пришел новый начальник первого отдела. Молодой красивый энергичный выпускник, кажется, МИФИ. Была образована комиссия по рассекречиванию завалов секретных писем и отчетов, загромождавших многочисленные сейфы. Сотни из них уже давно не содержали ничего секретного, неизвестного на Западе.

Моя старшая дочка оканчивала Педагогический институт, где познакомилась со студентом из республики Мадагаскар. Они полюбили друг друга. Боясь, что это может повредить мне, она, чуть не плача, спросила меня, как им поступить. Они хотят жениться, но не скажется ли это на моей работе, т.к. он иностранец. Я обратился к нашему новому начальнику первого отдела. Он меня успокоил, что теперь перестройка, и это не должно меня беспокоить. Сыграли свадьбу, и дочка вскоре уехала с мужем на Мадагаскар.

В Москве началась компания по борьбе с безбилетниками на транспорте. И, вдруг, в автобусе, на котором мы ежедневно ездили от метро к Институту, был вывешен плакат «Заяц» с большой фотографией нашего начальника первого отдела, с его фамилией и местом работы. Я не сомневаюсь, что это была грязная подстава. Естественно, что после этого он уже не смог больше здесь работать. Вскоре возвратился прежний начальник первого отдела.

Несколько раз вызывал меня, почему я не написал в анкете, что дочь вышла замуж за иностранца, и сообщил ли я об этом в первый отдел. В результате, заявил, что теперь у меня нет «допуска», и я не могу больше работать в ИПГ. И я фактически оказался в Институте в полной изоляции. Я понимал, что никто, даже директор ИПГ С.И. Авдюшин, ничего не смогут сделать против решения КГБ. Но я верил в «перестройку», и написал письмо в ЦК КПСС М.С. Горбачеву, что считаю это абсолютно неправильным, противоречащим его стремлениям к перестройке, и Израэлю. Меня принял на Старой площади помощник Горбачева, который сказал, что пока еще действуют старые правила. Но, т.к. Юрий Антониевич Израэль дал мне высокую оценку и поручился за меня, то, если я согласен, меня переведут в создаваемый Институт глобального климата и экологии. Естественно, я согласился, и 31 декабря 1990 г. был переведен из ИПГ в ИГКЭ. Когда встретился с Юрием Антониевичем, хотел поблагодарить его за поддержку, но он сразу прервал меня, сказав, что это была его естественная обязанность. И, главное, чтобы я понимал, что могу спокойно и нормально работать, развивая те направления, которые я считаю наиболее важными, и то, в чем я могу принести максимальную пользу институту.

О радиозондах

Еще в 60-х годах прошлого века мной по совету Е.К. Федорова был изобретен радиометрический радиозонд РРЗ для сети аэрологических станций Госкомгидромет. Внедрил радиометрическое стратосферное зондирование на 5 высокоширотных аэрологических станциях и 5 научно-исследовательских судах, и организовал регулярный мониторинг галактического (ГКЛ) и солнечного (СКЛ) космического излучения. Анализ одновременных, в течение почти 20 лет, измерений вариаций космического излучения с циклом солнечной активности с помощью сети станций радиометрического зондирования и с ИСЗ «Метеор» позволил обнаружить неизвестное ранее геофизическое явление - зависимость высотного хода ГКЛ от смены знака магнитного поля солнца. Это может, в частности, влиять на ионизацию полярной атмосферы и соответственно на климат. (В 2016 г. Физическим институтом (ФИАН) был официально подтвержден мой приоритет открытия.) В 1990 г. из-за финансовых проблем в стране, несмотря на полностью подготовленную рабочую документацию для изготовления РРЗ на Свердловском заводе ГМП, все работы с радиозондами были прекращены. Понимая возможную важность этих работ для мониторинга

ионизации полярной атмосферы и ее влияния на образование облачности, я обратился к Ю.А. Израэлю с просьбой помочь в продолжении радиозондовых работ. (Раньше радиометрическое стратосферное зондирование, связанное с регистрацией космического излучения, курировались в ИПГ директорами Е.К. Федоровым, а затем С.И. Авдюшиным). Юрий Антониевич детально расспросил о проведенных работах с радиационными радиозондами и мониторинга с их помощью ионизации атмосферы. На секунду задумался и посоветовал подумать о создании универсального радиозонда, пригодного для глобального радиационного мониторинга, как на Российских, так и на зарубежных аэрологических станциях. «Международное сотрудничество в таких работах – очень важно.» По его совету я связался с филиалом НПО «Тайфун» - фирмой «Комет». В кратчайший срок был согласован договор о разработке совместно с всемирно известной финской фирмой VAISALA универсального радиометрического радиозонда, который мог работать как с отечественными аэрологическими станциями, так и с зарубежными. Но с выделением финансирования дело затянулось, и два года не могло сдвинуться с места. Наконец, я хотел опять обратиться к Юрию Антониевичу за поддержкой, но было уже поздно...

Последняя встреча

Последние годы Ю.И. Израэль стал заниматься только важнейшим направлением в науке об изменении климата - разработкой методов активного воздействия на глобальные геофизические процессы для стабилизации климата планеты Земля.

В Японии после мощного землетрясения и цунами произошла крупнейшая авария на атомной электростанции Фукусима. Мне удалось найти в Интернете неофициальные данные измерений радиоактивных выбросов от АЭС, выполненных студентами Японского метеорологического института с помощью радиометрических радиозондов. Меня это очень заинтересовало, т.к. задолго до этого, во время аварии на Чернобыльской АЭС, я вместе с Петром Покревским измерял радиацию от нее в стратосфере с помощью радиометрических радиозондов на научном корабле недалеко от Гренландии. Т.к. Японские измерения были уникальными, то мне захотелось показать их Юрию Антониевичу, как главному Российскому специалисту по авариям на ядерных объектах, в частности, на Чернобыльской АЭС.



К сожалению, детального обсуждения не получилось. После того, как я рассказал о находке и показал графики, он, вдруг грустно улыбнувшись, сказал, что теперь наш институт не занимается этой тематикой, и это надо обсуждать со специалистами НПО ТАЙФУН. Посоветовал обратиться к директору Шершакову, сославшись на него. А потом вдруг неожиданно спросил: «А Вы знаете поэта Лохвицкую?» И тут же прочел пару строк из ее стихотворения «Душе очарованной снятся лазурные дали...». (Буквально за неделю до этого я был на творческом вечере в музее Андрея Белого, где говорили об эпохе серебряного века, в том числе о незаслуженно забытой очень популярной в то время поэтессе Мирре Лохвицкой. Дома в интернете я перечитал ее стихи и дважды некоторые из них особенно понравившиеся мне.) Меня это поразило, и я продолжил следующие две строфы. «Как жаль, что Вы не приходили раньше! Не знал, что Вы тоже любите такие стихи».

«Душе очарованной снятся лазурные дали...» 1889–1895

Душе очарованной снятся лазурные дали...

Нет сил отогнать неотступную грусти истому...

И рвется душа, трепеща от любви и печали,

В далекие страны, незримые оку земному.

Но время настанет, и, сбросив оковы бессилья,

Воспрянет душа, не нашедшая в жизни ответа,

Широко расправит могучие белые крылья

И узрит чудесное в море блаженства и света!

Я предложил, что могу распечатать из Интернета очень эффектные фотографии Мирры и ее живописные портреты, хотя некоторые из них вызывают сомнение у специалистов. Мне показалось, что он обрадовался и попросил меня принести их ему. К сожалению, больше мы с ним не встречались. Вначале долго болел я, а потом Юрий Антониевич.

В начале января я узнал, что Израэль попал в ЦКБ. Хотел навестить его, но сказали, что он в реанимации и никого к нему не пускают. Вскоре я должен был уехать в санаторий в Анапу. За день до отъезда позвонил в больницу, где мне сказали, что его перевели из реанимации в обычную палату. Но, чтобы попасть к нему, надо заранее заказать пропуск, но это можно только назавтра. Успокоившись, я уехал, надеясь, что все обойдется.

Находясь в Анапе, из электронного письма дирекции ИГКЭ узнал о смерти Израэля. Переживал, что не могу с ним проститься. Через пару недель, вернувшись в Москву, на Новодевичьем кладбище положил цветы и почувствовал острую боль, что ушел один из крупнейших ученых, внесший огромный вклад в решение важнейших задач не только в области ядерной безопасности, но и в глобальных научных направлениях, связанных с изменением климата, за что ему была присуждена Нобелевская премия Мира. Каждый раз, когда я прихожу на Новодевичья кладбище, где похоронены мои родители и брат, я обязательно иду поклониться замечательным людям и ученым Е.К. Федорову и Ю.А. Израэлю, оказавших огромное влияние на всю мою жизнь.



Владимир Арамович Воробьев, 1931 г.р.

Работа в ИПГ: 1955 – 1989 г., в ИГКЭ: 1990 – 2016 г.

Чл.-корр. РЭА, академик ИА